

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-25-30

УДК 321.74+364.013

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА К СОВРЕМЕННОСТИ

Сересова Ульяна Игоревна,

канд. полит. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», Москва, Россия

seresova_ui@asou-mo.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние социалистической идеологии на содержание социальной политики в СССР и постсоветской России. Основные реформы в социальной сфере проанализированы в свете концепции социального государства и политической экономии. Многочисленные исследования социальных государств в Европе показывают, что преобладание левых партий во власти приводит к повышению бюджетных расходов на социальную сферу и разворачиванию социальных программ. Вопреки этому, доля социальных расходов в СССР, в котором социалистическая идеология была официальной, находилась на уровне либеральных социальных государств. Специфика «авторитарного социального государства» в СССР была связана с патернализмом, учетом политической лояльности и государственной монополией в социальной сфере. В постсоветской России наследие патерналистского подхода смешивается с либеральными реформами, однако реализация трансформирующегося идеологического «контракта» между оказывающим социальные услуги государством и демонстрирующими лояльность ему гражданами в условиях авторитарного политического режима в целом продолжается.

Ключевые слова: социальная политика; политическая идеология; социальное государство; социал-демократия; социализм

SOCIAL POLICY AND LEFT POLITICAL IDEOLOGY IN RUSSIA: FROM REVOLUTION AND SOVIET PATERNALISM TO CONTEMPORARY SOCIETY

Seresova U.I.,

Candidate of Political Sciences, Assistant Professor,

Department of social sciences and humanities,

Academy of Public Administration,

Moscow, Russia

seresova_ui@asou-mo.ru

Abstract. The influence of socialist ideology on the essence of social policy in the USSR & Post-Soviet Russia is described. The main reforms in the social sphere are analyzed from the viewpoint of political economy & welfare state concepts. The studies of European welfare states show that wide presence of left parties in parliaments & governments cause the increase of budget social expenses & the establishment of social programs. However, in spite of the fact that socialist ideology was official in the USSR, the percentage of social expenses was similar to liberal welfare states. The paternalistic approach, demand of loyalty to the official regime & state monopoly on social programs were characteristic of Soviet 'authoritarian welfare state'. That paternalistic ideology was mixed with some liberal reforms in Post-Soviet Russia, however the transforming ideological 'contract' between the people & the authorities with the symbolic change of social services provided by the state to the political loyalty of the citizens remain present.

Keywords: social policy; political ideology; welfare state; social democracy; socialism

Работа посвящена влиянию левой политической идеологии на социальную политику в России в советский и постсоветский период. Теоретической рамкой исследования послужили концепция социального государства и политико-экономическое направление анализа расходов на социальную сферу, сложившиеся в западной политологии во второй половине XX — начале XXI в. Эти теоретические подходы, разработанные на эмпирическом материале западных капиталистических государств, свидетельствуют о влиянии ценностей, характерных для идеологических течений левого спектра, на формирование социально-политического курса. Поскольку в СССР на уровне государства была официально закреплена социалистическая идеология, можно считать, что идеология была значимым фактором в формировании советской модели социальной политики. Ответу на вопрос, как социалистическая идеология повлияла на систему социальной политики в СССР, и посвящена работа. Особое внимание уделяется радикальной большевистской идеологии как фактору, определившему политический курс в области социальной политики Советской России после Октябрьской революции. Также в работе рассмотрены основные реформы социальной сферы после распада СССР и обозначено влияние советского наследия на современное состояние социальной политики.

ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Говоря о влиянии идеологии на социальную политику, исследователи публичной политики указывают на важность социалистической или социал-демократической идеологии в процессе формирования моделей социального государства [1]. Так, например, на основе социал-демократии формируется северо-европейская модель социального государства [2]. Известная концепция Г. Эспинг-Андерсена предполагает три режима социального государства, названные по типам доминирующих политических идеологий (неолиберальный, социал-демократический, консервативно-корпоративный), хотя в ее основе лежит не

идеология, а сочетание факторов государственного управления (декоммодификация и вмешательство государства в рынок и общество) и масштабов социальной стратификации [3]. Социал-демократический режим социального государства, по Эспинг-Андерсену, распространен в Швеции, Дании, Норвегии, что соответствует североевропейской модели социального государства. Политической базой реализации социальной политики в рамках этой модели становятся социал-демократические рабочие партии и профсоюзные организации. Важным элементом становится и «сотрудничество между трудом и капиталом в форме социального диалога при активном государственном регулировании... и выполнении им роли посредников в переговорах...» [2]. С точки зрения организации социальной политики важно отметить высокий уровень декоммодификации, низкие показатели социальной стратификации, вмешательство государства в рынок и общество через финансирование обширных социальных программ для различных категорий населения. Идеи социал-демократии обуславливают в практике социальной политики не минимальные социальные гарантии для всех граждан, а равенство всех в получении социальных услуг высокого уровня: «Необходимо поднять уровень доходов и качество услуг до уровня, соизмеримого со стандартами нового среднего класса, ...рабочим слоям должно быть гарантировано такое же качество соблюдения прав, как и у более высоких слоев общества» [1].

В рамках политико-экономического подхода к изучению социальной политики рассматривается вопрос о влиянии правых и левых партий на содержание социально-политического курса и масштабы государственных социальных расходов [4, с. 571–575]. Общий тезис различных эмпирических исследований, основанных на статистическом анализе, сводится к тому, что «мобилизация рабочего класса посредством левых партий способствует ускорению процесса развития государства всеобщего благоденствия» [4, с. 573]. Работы, выполненные в рамках политико-экономического подхода, показывают, что, чем больше представителей левых партий в правительстве и парламенте, тем больше расходов на социальную сферу из государственного бюджета. Д. Брэйди, анализируя 30-летний опыт западных демократий

(1967–1997 гг.), пришел к выводу, что доминирование левых в парламенте и правительстве приводит к снижению уровня бедности и безработицы и связанных с ними эффектов [5]. Б. Киттел и Г. Обингер, рассматривая социальную политику в европейских государствах всеобщего благоденствия в 1980-е — 1990-е гг., в качестве значимых политических факторов, влияющих на государственные социальные расходы, называют политический курс левых и социал-христианских партий [6]. С. Борг и Ф. Кастлес, анализируя опыт 16 экономически развитых стран мира в период 1962–1972 гг., указывают на то, что доля мест и длительность нахождения в парламенте правых партий находятся в сильной отрицательной зависимости с долей бюджетных социальных расходов и показателями уровня жизни [7]. 1990-е — 2000-е гг. стали периодом сокращений государственных социальных программ во всех социальных государствах Европы и Америки, и появились свидетельства об уменьшении влияния фактора конфликта между левыми и правыми на социальную политику [8].

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Обратимся теперь к особенностям отечественной социальной политики. К моменту Октябрьской революции в России уже сложилась система государственного, общественного и частного призрения, направленная на помощь различным категориям населения. Радикальная смена политической системы в результате революции привела к значительным изменениям в социальной политике. Этап развития социальной политики в период 1917–1921 гг. называют «утопическим». В соответствии с идеологией большевизма в начале существования Советской власти государство опиралось на классовый подход — помощь рабочим, красноармейцам, их семьям, детям-сиротам. «Новое законодательство устанавливало основные виды социального обеспечения, на которые могло рассчитывать трудовое население: врачебная помощь, выдача пособий и пенсий (по старости, в связи с потерей трудоспособности, беременным и роженицам)» [9]. Фактически приоритет отдавался красноармейцам и семьям погибших на фронте: в 1920 г., например, 2/3 получавших пенсию были солдатами-красноармейцами и члена-

ми их семей, а 1/3 — рабочими и служащими [10]. Проводимая социальная политика, кроме прямого назначения — поддержки уязвимых слоев населения — выполняла также и сугубо политическую функцию — была направлена на «формирование нужной социальной структуры... и идентичности людей» [11, с. 7] и социальную эксклюзию бывших господствующих классов. К «лишенцам», не обладающим избирательными и социальными правами, относились лица, живущие на нетрудовые доходы, прибегающие к наемному труду, служители церквей, служащие бывшей полиции и другие.

Идеи большевизма, предполагавшие отмену частной собственности и пропаганду эгалитаризма, привели к тому, что все жилье в стране было национализировано. Жилой фонд перераспределялся в форме «уплотнения» квартир состоятельных граждан, в которые вселяли городскую бедноту.

Социалистическая идеология также радикально изменила содержание социальной политики в отношении женщин, семьи и детей. Она выражалась в пропаганде эмансипации, политического и экономического участия женщин, борьбе с бедностью и неграмотностью, формировании образа «трудящейся женщины-матери» [12]. Юридически этот политический курс выражался в узаконивании разводов, разрешении аборт, оплате отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком. При этом норма об оплате декретного отпуска в 1917 г. распространялась только на рабочих, и только с «принятием Конституции 1936 г. ... государственное страхование материнства распространилось на всех советских женщин» [10]. Таким образом, и семейная политика также была направлена на разделение общества и подкрепление ее классового характера.

Примечательно, что существовавшие в период Гражданской войны антибольшевистские правительства также проводили социальные и пенсионные выплаты, и они также становились маркером, обозначающим «своих» и «чужих»; только представления о «своих» и «чужих» были зеркально перевернуты [13].

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: АВТОРИТАРНОЕ «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

В советской модели социальной политики, закрепившейся после Великой Отечественной

войны, социалистическая идеология выражалась, прежде всего, в патернализме, декларировании подчеркнута скромных потребностей, государственной монополии в социальной сфере, четком контроле доходов населения со стороны государства [14, с. 7–22]. Как следствие, население было уверено в том, что «все социальные проблемы обязано решать государство (во многих случаях, особенно у старших поколений, такого рода патернализм сочетался с ударной работой и политической благонадежностью)» [14, с. 7].

Примечательно, что при декларировании целей повышения народного благосостояния расходы на социальную политику в СССР были довольно низкими — около 14% [15], что сопоставимо с либеральными социальными государствами. Обусловлено это было приоритетом развития оборонной промышленности и других направлений индустрии. Ядро всей системы социальной политики в СССР составляло социальное обеспечение, система которого отличалась широкой доступностью. Это пенсии и пособия по старости, временной нетрудоспособности, инвалидности, утере кормильца и др. для пожилых, инвалидов, детей-сирот; многочисленные льготы, охватывавшие так или иначе почти все население страны. Т. Ю. Сидорина полагает, что «в классификации Г. Эспинг-Андерсена систему социального обеспечения советского времени можно сопоставить с социально-демократическим режимом, который предполагает распространение социального страхования на всех граждан государства в равном объеме, независимо от нуждаемости и трудового вклада» [1, с. 350]. В. Н. Ярская также считает, что социальная политика позднего СССР «формально приближалась к социально-демократической модели» [16]. Однако качество доступных социальных услуг — медицинской помощи, жилья, образования — не было гарантированно высоким для всех. Факт принадлежности к номенклатуре обеспечивал «причастность к системе распределения благ» [11, с. 8]. «Антилиберальная направленность, иерархичность, статичность, смесь социалистических идей с консервативными элементами» [11, с. 13] — те идеологические характеристики, с которыми советская модель социальной политики подошла к своему концу. Строго говоря, опыт СССР нельзя называть социальным государством,

поскольку последнее, по определению, капиталистическое, рыночное, демократическое. Тем не менее за широкий набор социальных гарантий в условиях социалистической идеологии и авторитарного политического режима Н. Форрат называет советскую модель «авторитарным государством всеобщего благоденствия» [17].

ПОСТСОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Крушение Советского Союза не привело к полному коллапсу системы социальной защиты, однако потребовались либеральные реформы. Это было связано с необходимостью рационализации социальных обязательств государства перед своими гражданами и более эффективным использованием ограниченных ресурсов в социальной сфере. В то же время, несмотря на дефицит бюджета и экономический кризис, государство не могло полностью отказаться от социальных обязательств в силу зависимости от прошлого — советского опыта социальной политики, инертности институтов социальной защиты и ориентации большинства граждан на помощь со стороны государства. Одна из первых реформ — становление системы обязательного медицинского страхования вместо госбюджетного финансирования (1991 г.); далее — формирование системы государственных учреждений социального обслуживания населения (1995 г.). Приобретает адресный характер социальная помощь (1999 г.), начинается действовать система профилактики безнадзорности (1999 г.).

Реформы начала 2000-х гг. также имеют ярко выраженный либеральный характер, они были нацелены на большую экономическую эффективность и передачу части полномочий от государства негосударственным акторам — введение накопительной пенсионной системы вместо перераспределительной (2001 г.), монетизация льгот (2005 г.), привлечение частных и благотворительных организаций к социальному обслуживанию (2013 г.). Новый вектор российской социальной политики со второй половины 2000-х гг. — приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Сельское хозяйство»; программа материнского капитала, так называемые май-

ские указы 2012 г. о повышении заработной платы бюджетникам. Они, в противоположность общемировой тенденции, ярко продемонстрировали обратный тренд в российской социальной политике — в сторону расширения социальных программ государства.

Сейчас осуществляется трансформация идеологического «контракта» между государственным «аппаратом заботы» и человеком. Если в советское время осуществлялся обмен

государственного патернализма на самоотверженный труд и абсолютную политическую благонадежность, то сейчас — минимальных социальных гарантий на индивидуальную социальную ответственность граждан, консолидацию и общую лояльность власти. Реформы в области социальной политики в России представляют собой сплав элементов либеральной и социалистической идеологий, а также тенденций авторитарного политического режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 442 с.
2. Антюшина Н. М. Сущность и перспективы североευропейской модели // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 299–320.
3. Esping-Andersen G. *The Tree Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity, 1990.
4. Хофферберт Р., Сингранелли Д. Л. Социальная политика и управление: сравнительный политический анализ // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна (науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал). М.: Вече, 1999. С. 571–575.
5. Brady D. *The Politics of Poverty: Left Political Institutions, the Welfare State and Poverty* // *Social Forces*, December 2003, vol. 82, no. 2. P. 557–588.
6. Kittel B., Obinger H. *Political parties, institutions, and the dynamics of social expenditure in times of austerity* // *Journal of European Public Policy*. 2003. February. No. 10. P. 20–45.
7. Borg S. G., Castles F. *The Influence of the Political Right on Public Income Maintenance Expenditure and Equality* // *Political Studies*. 1981. Vol. XXXIX. No. 4. P. 604–621.
8. Starke P. *The Politics of Welfare Retrenchment: a Literature Review* // *Social Policy and Administration*, February 2006. Vol. 40. No. 1. P. 104–120.
9. Фирсов М. В. *История социальной работы в России: учеб. пособие*. М.: ВЛАДОС, 1999. 256 с.
10. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. *Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы* // *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 21–68.
11. Ярская-Смирнова Е., Романов П. *Предисловие редакторов* // *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 7–19.
12. Градскова Ю. *Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы* // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век: Сб. науч. ст.* / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 298–313.
13. Рынков В. М. *Индивидуальные социальные трансферты в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920–1922 годы как элемент социальной политики и идеологии* // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. 2012. № 1. Т. 11. С. 78–83.
14. Гонтмахер Е. *Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт* // *ProetContra*. 2001. Т. 6. № 3. С. 7–22.
15. Стребков А. И. *Социальная политика: теория и практика*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 191.
16. Ярская В. Н. *Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа* // *Журнал исследований социальной политики*. 2003. № 1. С. 11–28.
17. Forrat N. *The Authoritarian Welfare State: a Marginalized Concept: Comparative Historical Social Science: Working Paper no. 12–005*. Chicago: Northwestern University, 2012.

REFERENCES

1. Sidorina T. Yu. Two centuries of social policy. Moscow: RGGU, 2005. 442 p. (In Russ.).
2. Antyushina N. M. The essence and perspectives of north European model // *Social Europe in XXI century* / Ed. M. V. Kargalova. Moscow: Ves' mir, 2011, pp. 299–320. (In Russ.).
3. Esping-Andersen G. *The Tree Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity, 1990.
4. Hofferbert R., Singranelli D. L. Public policy and administration: comparative policy analysis // *A new handbook of political science* / Ed. R. Goodin & H. D. Klingemann (Russian ed. E. B. Shectopal). Moscow: Veche, 1999, pp. 517–575. (In Russ.).
5. Brady D. The Politics of Poverty: Left Political Institutions, the Welfare State and Poverty. *Social Forces*, December 2003, vol. 82, no. 2, pp. 557–588.
6. Kittel B., Obinger H. Political parties, institutions, and the dynamics of social expenditure in times of austerity. *Journal of European Public Policy*. 2003, no. 10, February, pp. 20–45.
7. Borg S. G., Castles F. The Influence of the Political Right on Public Income Maintenance Expenditure and Equality. *Political Studies*, 1981, vol. XXXIX, no. 4, pp. 604–621.
8. Starke P. The Politics of Welfare Retrenchment: a Literature Review. *Social Policy and Administration*, 2006, vol. 40, no. 1, February, pp. 104–120.
9. Firsov M. V. History of social work in Russia. Moscow: VLADOS, 1999. 256 p. (In Russ.).
10. Lebina N., Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. Care and control: social policy in Soviet Russia, 1917–1930 // *Soviet social policy in 1920–1930: ideology and everyday life* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: Variant, CSPGI, 2007, pp. 21–68. (In Russ.).
11. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Editorial // *Soviet social policy in 1920–1930: ideology and everyday life* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: Variant, CSPGI, 2007, pp. 7–19. (In Russ.).
12. Gradskaia Ju. “Social maternity” discourse in everyday practices of social work in 1930–1950 // *Need and order: history of social work in Russia, XX century* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Saratov: Nauchnaja kniga: Centr social'noj politiki i gendernyh issledovanij, 2005, pp. 298–313. (In Russ.).
13. Rynkov V. M. Individual social transfers in Zabaikal'e and in the Far East in 1920–1922 as an element of social policy and ideology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija = The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 78–83. (In Russ.).
14. Gontmaher E. Social policy in Russia: evolution in 1990 and new start. *Pro et Contra*, 2001, vol. 6, no. 3, pp. 7–22. (In Russ.).
15. Strebkov A. I. Social policy: theory and practice. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshhestva, 2000, p. 191. (In Russ.).
16. Iarskaia V. N. Social policy, welfare state and social management: issues of analysis [Social'naja politika, social'noe gosudarstvo i social'nyj menedzhment: problemy analiza]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = The Journal of social policy studies*, 2003, no. 1, pp. 11–28. (In Russ.).
17. Forrat N. *The Authoritarian Welfare State: a Marginalized Concept: Comparative Historical Social Science: Working Paper no. 12–005*. Chicago: Northwestern University, 2012.